

Александр Неверов. Марья-большевичка

OCR Pirat

1.

Была такая у нас. Высокая, полногрудая, брови дугой поднимаются – черные! А муж с наперсток. Козанком зовем мы его. Так, плюгавенький – шапкой закроешь.

Сердитый – не дай господи. Развожется с Марьей, стучит по столу, словно кузнец молотком.

– Убью! Душу выну...

А Марья хитрая. Начнет величать его нарочно, будто испугалась:

– Прокофий Митрич! Да ты что?

– Башку оторву!

Она еще ласковее:

– Кашу я нынче варила. Хочешь?

Наложит блюдо ему до краев, маслица поверху пустит, звездочек масляных наделает. Стоит с поклоном, угощает по-свадебному:

– Кушай, Прокофий Митрич, виновата я перед тобой...

Любо ему – баба ухаживает, нос кверху дерет, силу большую чувствует.

– Не хочу!

А Марья, как горничная, около него: воды подает, кисет с табаком ищет. Разуется он посреди избы – она ему лапти уберет, портянки в печурку сунет. Ночью на руку положит, по волосам погладит и на ухо мурлычет, как кошка... Ущипнет Козанок ее – она улыбается.

– Что ты, Прокофий Митрич! Чай, больно...

– Беда – больно... раздавил...

И еще ущипнет: дескать, муж, не чужой мужик. Натешит сердце, она начинает его:

– Эх ты, Козан, Козан! Плюсну вот два раза, и не будет тебя... Ты думаешь, деревянная я? Не обидно терпеть от такого гриба?

2.

Раньше меньше показывала характер Марья, больше в себе носила домашние неприятности. А как появились большевики со свободой да начали бабам сусоли разводить – что вы, мол, теперь равного положения с мужиками, – тут и Марья раскрыла глаза. Чуть, бывало, оратор какой – бежит на собрание.

Вроде стыд потеряла. Подошла раз к оратору и глазами играет, как девка. Идемте, говорит, товарищ оратор, чай к нам пить.

Козанок, конечно, тут же в лице изменился. Глаза потемнели, ноздри пузырями дуются. Ну, думаем, хватит он ее прямо на митинге. Все-таки вытерпел. Подошел бочком, говорит:

– Домой айда!

А она – нарочно, что ли, – встала на ораторово место да с речью к нам:

– Товарищи крестьяне!

Мы так и покатались со смеху. Тут уж и Козанок вышел из себя:

– Товарищ оратор, ссуньте ее, черта!

Дома с кулаками на нее налетел:

– Душу выну!

А Марья поддразнивает:

– Кто это шумит у нас, Прокофий Митрич? Страшно, а не боязно...

– Подол отрублю, если будешь по собраниям таскаться!...

– Топор не возьмет!

Разгорелся Козанок, ищет – ударить чем. Марья с угрозой:

– Тронь только: все горшки перебью о твою козанычью голову...

С этого и началось. Козанок свою власть показывает. Марья – свою. Козанок лежит на кровати, Марья – на печке. Козанок к ней, она – от него.

– Нет, миленький, нынче не прежняя пора. Заговенье пришло вашему